

Раньше Тан Шэнь сам только и делал, что осыпал других лестью, и редко кто хвалил его в лицо. А ведь едва достигнув совершеннолетия, он уже поднялся до высокого чина четвертого ранга. Даже по меркам города Шэнцзиня он считался весьма крупным столичным чиновником. Да вот беда: Тан Шэнь служил во дворце Циньчжэн, где чиновник четвертого ранга был самым мелким. К тому же изо дня в день он сталкивался то с самим императором, то с сильными мира сего вроде Ван Чжэня или Су Вэньюня. На их фоне Тан Шэнь поневоле выглядел «ничтожным» мелким чинушей.

Слушать чужие льстивые речи было непривычно и наводило на размышления. Цяо Цзю тоже приходилось несладко: будучи купцом, сам он не мог выбиться в чиновники через экзамены, поэтому верой и правдой служил Ван Чжэню и Тан Шэню — не ради ли того, чтобы вымостить дорогу своим потомкам?

Тан Шэнь отнесся к его чувствам с пониманием и произнес:

— Ты отлично справился со своей задачей. И три купца, с которыми ты свел знакомство, подходят идеально.

Видя, что Тан Шэнь доволен, Цяо Цзю понял, что не прогадал с тоном, и облегченно вздохнул:

— Ваша милость, ваше решение отправить меня в Государство Ляо под видом торговца чаем было истинно прозорливым. — Это были не просто слова угодничества; Цяо Цзю восхищался искренне. — Чай и фарфор из Великой Сун в Государстве Ляо считаются роскошью, доступной лишь знати и высоким сановникам. Но везти фарфор туда слишком неудобно. Только чайная торговля служит надежнейшим прикрытием.

На самом деле идея принадлежала не одному Тан Шэню — её подал Су Вэньюнь.

Но вдаваться в подробности Тан Шэнь не стал. Подумав немного, он сказал:

— Из тех троих купцов с тем, кому не пожаловали родовую фамилию, пока слишком близко сходиться не нужно. Наша цель — не продажа чая, а проникновение во внутренние круги Государства Ляо. Фамилии Елюй и Сяо... — Тан Шэнь на мгновение задумался и слегка улыбнулся: — Чиновники южных земель и чиновники северных земель... Твои слова натолкнули меня на мысль. Внутреннее устройство Государства Ляо вовсе не так монолитно, как кажется со стороны! Поступишь вот как...

Сунский купец приехал в Ляо торговать. На свете нет людей, которые бы отказывались от денег, так что местные торговцы встретили его с радостью. Однако это вовсе не означало, что заносчивые купцы из Ляо станут считаться с Цяо Цзю.

Даже отдай Цяо Цзю все свое состояние на подарки и пиры, подмазаться ко всем он бы всё равно не смог.

Зато у самого Государства Ляо имелись серьезные внутренние проблемы!

Тан Шэнь продолжал:

— Главная беда Государства Ляо — это северные и южные чиновники. Ты сам говорил, что управа Сицзинь находится под влиянием южных чиновников. Можешь постепенно охладеть к торговцу по фамилии Елюй и поближе сойтись с тем, кто носит фамилию Сяо. Нам нужно вести дела именно с купцом Сяо.

— Господин, но разве это не обидит второго? — усомнился Цяо Цзю.

— В этом-то и суть. Неужели ты думаешь, будто сможешь лавировать между ними двумя и угодить обоим?

— Ничтожный не смеет так думать.

— Раз им пожаловали знатные фамилии, значит, за каждым из них стоят могущественные покровители, — разъяснил Тан Шэнь. — Такие люди торгуют не только ради собственной наживы, но и ради интересов своих хозяев. Если ты сблизись с купцом по фамилии Сяо, купец по фамилии Елюй неизбежно восплает затаенной ненавистью и станет вставлять палки в колеса нашей торговле чаем. А на их земле им ничего не стоит устроить нам пакость.

Цяо Цзю был далеко не глуп и сразу всё понял:

— Но купец Сяо Люй тогда точно не останется в стороне!

Тан Шэнь усмехнулся:

— Если просто осыпать его подарками, Сяо Люй вряд ли станет уважать тебя и считать настоящим другом. Чтобы что-то получить, нужно чем-то пожертвовать. Вот когда он увидит, что ради совместного дела ты пошел на ощутимые жертвы и делишь с ним невзгоды, только тогда он признает тебя своим человеком.

На лице Цяо Цзю расплылась хитрая купеческая ухмылка:

— Ничтожный всё понял! Господин проявляет такую прозорливость в стратегических замыслах, что мне за вами ни на каком коне не поспеть!

Тан Шэнь лишь усмехнулся и не стал отвечать, про себя подумав: «Искусство лести у тебя хромает, мне ты и в подметки не годишься!»

Цяо Цзю был человеком Ван Чжэня, так что за порученные ему дела Тан Шэнь был спокоен.

Затем Тан Шэнь вызвал к себе Лу Шэня.

Лу Шэнь пребывал в удрученном состоянии и последние несколько дней ходил сам не свой.

Военные совершенно не умеют скрывать свои мысли: Тан Шэнь бросил один взгляд на выражение его лица и сразу всё понял.

— Генерал Лу, должно быть, думает, что я его обманул? — спросил Тан Шэнь. — Перед отбытием я обещал, что беру вас с собой ради великих дел, а на поверку вы со своими солдатами днями напролет сидите на постоялом дворе да стережете товары, не имея возможности и шагу ступить за порог?

Отношение Лу Шэня к Тан Шэню уже не было прежним — прошлая небрежность и неуважение испарились. Он сложил руки в приветствии:

— Подчиненный не смеет так думать. Я знаю: пусть господин целыми днями и не покидает постоялого двора, всё, что делает Цяо Цзю, происходит по вашему указанию. Господин сидит без дела вовсе не по своей воле.

— Зато ты сидишь без дела.

Лу Шэнь молчал, но проглядывавшая обида выдавала его с головой.

Тан Шэнь продолжить:

— Не переживай, я призвал тебя сегодня именно для того, чтобы дать поручение.

Глаза Лу Шэня мгновенно вспыхнули:

— Говорите, господин! Подчиненный ни за что не подставит вас!

— В этом деле ошибаться тебе и вправду нельзя! — Тон Тан Шэня резко стал строгим. Сначала он коротко пересказал то, что велел сделать Цяо Цзю, а затем добавил: — Внутренние розни Государства Ляо не ограничиваются трениями между южными и северными чиновниками. Императору Ляо уже перевалило за пятьдесят, в молодости он прошел немало битв и нажил немало старых ран. У него четверо сыновей. С третьим принцем я встречался еще в Шэнцзине: он знатного происхождения и пользуется огромной поддержкой северных чиновников. Твоя задача — разузнать, кому из принцев подчиняются местные южные и северные чиновники в управе Сицзинь.

Лу Шэнь на мгновение задумался:

— Господин, подчиненный расшибется в доску, но выполнит приказ. Вот только... станут ли чиновники Ляо примыкать к принцам, пока Император Ляо еще жив?

Тан Шэнь усмехнулся:

— А каково расстояние между управой Сицзинь и управой Линьхуан?

— Тысяча ли.

— В последние годы здоровье Императора Ляо оставляет желать лучшего. Стал бы он отсылать своих доверенных лиц за тысячу ли в управу Сицзинь? Человеку свойственно преследовать собственные интересы. К тому же... — Тан Шэнь сделал паузу и продолжил лишь спустя мгновение: — К тому же еще в Шэнцзине я заметил, что среди северных чиновников даже столь высокопоставленное лицо, как Великий учитель принца, тайно поддерживает третьего принца Елюй Ханя. Раз уж сам Великий учитель искал выгоду на стороне, неужели прочие сановники станут сидеть сложа руки?

Лу Шэнь, выслушав его, точно прозрел, и в его взгляде на Тан Шэня вспыхнуло еще большее уважение. Изливать пышную лесть он не умел, поэтому отчеканил от чистого сердца:

— Господин прав! Подчиненный немедленно приступает к делу!

Когда Лу Шэнь ушел, Тан Шэнь налил себе чашку чая и погрузился в размышления.

«Будь здесь старший брат, он наверняка сказал бы, что главный источник умыслов среди чиновников Ляо — сам Император Ляо», — тихо вздохнул Тан Шэнь, вдруг ощутив тоску одиночества, словно в мелодии «Высокие горы и текучие воды», когда не с кем разделить сокровенную мысль.

Императору Ляо сейчас едва за пятьдесят, он на десяток лет моложе Чжао Фу. Но по уровню контроля над своими чиновниками он не годится Чжао Фу и в подметки!

Император Ляо вспыльчив, отважен и быстр в бою — в молодые годы он гремел как

непобедимый полководец. Теперь же он стар, изранен и, пусть невероятно подозрителен, по сути своей остается лишь воякой. Его сановники ведут свою игру; быть может, он догадывается об этом, а быть может, и нет, но так или иначе — менять что-то уже поздно.

На придворной арене Ляо фракции чиновников уже набрали такую силу, что даже при всём желании Император Ляо не смог бы навести порядок за один день.

Красоваться умом тоже нужно перед тем, кто способен это оценить.

Разговаривать об интригах двора Ляо с такой дубиной, как Лу Шэнь, — всё равно что метать бисер перед свиньями. Лишь попусту тратить слова, так что Тан Шэнь решил приберечь мысли при себе.

Пусть Лу Шэнь и не отличался особой сообразительностью, в исполнении поручений он проявлял надёжность — иначе Чжао Фу не отрядил бы его к Тан Шэню.

Не прошло и десяти дней, как от Цяо Цзю пришли хорошие вести. Партию чая, доставленную из Ючжоу, прибрала к рукам шайка чиновников Ляо — за этим явно стояли козни купца Елюй Цзи. Цяо Цзю пылал гневом, но молчал; он подал жалобу местным властям, доказывая свою невиновность. Да разве станет чинуша из Ляо печься о деле какого-то сунского купца? Ему без лишних разговоров всыпали десять ударов палками и вышвырнули вон из управы Сицзинь.

Цяо Цзю был уже немолод, и эти десять тяжелых ударов чуть не отправили его на тот свет. Он слёг в постель и десять дней метался в горячке. К тому моменту, как купец Сяо Люй узнал об этом происшествии, Цяо Цзю только-только начал подниматься с кровати.

Сяо Люй лично прибыл на постоянный двор навестить Цяо Цзю.

Цяо Цзю, пошатываясь, пытался встать с кровати. Увидев это, Сяо Люй поспешно подхватил его. Говоря на беглом сунском наречии, он воскликнул:

— Брат Цяо, да что ж это такое, как тебя умудрились так избить?! Что ты совершил, за что они с тобой так обошлись?

Цяо Цзю горько усмехнулся:

— Ничтожный — лишь простой купец, в чём я мог провиниться... Господин Сяо, поди, и сам догадывается.

Услышав это, Сяо Люй вздохнул и не стал больше изображать неведение:

— И помыслить не мог, что Елюй Цзи зайдет так далеко! Совсем обнаглел. Ты не переживай, я уже доложил об этом господину.